

«Би-би!» — коротко прозвучало в сгущающихся сумерках.

В старом районе, у входа в переулок, как всегда теснились люди: те, кто только закончил смену, вышли набрать воды. И тут в узкое пространство, распугивая велосипеды, попытался втиснуться автомобиль. После пары нетерпеливых сигналов машина медленно двинулась вглубь квартала. Прохожие ворчливо расступались, давая дорогу. Водитель, не желая лишний раз привлекать внимание и беспокоить местных, быстро поднял стёкла и проскочил мимо толпы.

У подножия обшарпанной многоэтажки, что стояла сразу за Сталелитейным заводом №8, владелец маленького магазинчика доедал свой ужин, не отрывая глаз от старого телевизора. Услышав знакомый рокот мотора, он поднял голову и проводил взглядом черный люксовый автомобиль.

Номерные знаки были те же, что и в прошлый раз, когда этот гость искал кого-то на верхних этажах. Торговец удивленно приподнял брови: кажется, это уже второй визит таинственной иномарки в их захолустье.

В прошлый раз было слишком поздно, и никто не обратил внимания. Но сегодня жильцы Сталелитейного завода №8 — народ в основном пожилой и любопытный — не просто провожали машину взглядами, но и всю гадали, зачем богатеи повадился к их соседу.

— Ишь ты, этот нищий автомеханик сверху, он вообще кто такой? — донеслось из толпы. — Откуда у него такие денежные друзья?

— Тсс, ешь давай, а то язык доведет... Еще накличешь беду на свою голову, если эти люди рассердятся.

Обрывки разговоров на местном диалекте долетали до салона, выдавая простую истину: за столько лет соседи так и не узнали Ли Се по-настоящему.

Однако директор Фу, сидевший за тонированным стеклом с ледяным выражением лица, ничего этого не слышал. Его совершенно не заботило, что о нём думают окружающие. Все его мысли занимало лишь одно: как объяснить самому себе этот нелепый порыв — притащиться сюда среди ночи.

С тех пор как случилась та история с «геройством», он снова пришел к этому человеку, с которым, казалось бы, сама судьба развела его по разным полюсам. Это было абсурдно. Немыслимо. Но после того, что произошло сегодня в доме Чжан Шичао — после той омерзительной и странной сцены, — у Фу Байлуна просто не осталось выбора.

Когда Рэйчел Чжан ещё в машине спросила, не хочет ли он чего-нибудь поесть, раз уж он всё ещё плохо себя чувствует, Байлун — израненный, едва начавший восстанавливаться — смог вспомнить лишь одно. Ту единственную трапезу в больнице. Тот вечер, когда он в одиночестве съел самый обычный домашний ужин.

За все свои двадцать с лишним лет жизни — жизни «золотого наследника» семьи Фу, которой завидовал каждый — он не мог вспомнить ни одного момента, связанного с теплом, семьёй или искренней заботой о больном. В его памяти была лишь серая, монотонная череда дней.

— Я хочу каши, — внезапно сказал он.

— А? Директор, заказать ту, что подают в отеле? Водитель может съездить прямо сейчас.

Рэйчел выглядела растерянной.

— Есть такая... которую варят дома? — спросил Фу Байлун.

— Но... господин Фу, домашнюю кашу не купишь в ресторане. Её просто не продают.

—...

То, что нельзя купить за деньги, оказалось для него недоступным.

Именно в тот миг Фу Байлун ощутил, как внутри закипает глухое раздражение. Вещи, которые он так долго пытался подавить, снова вырвались наружу. Семья, друзья, простое «как ты себя чувствуешь?», когда тебе плохо... Даже тарелка каши для больного — для него всё это было непозволительной роскошью.

Раньше у него был Чэнь Чжэнь — единственный человек в мире, которому он доверял. Но теперь стало ясно: Чжэнь, которого он втайне любил столько лет, никогда не отвечал ему взаимностью. Байлун остался один.

Это звучало жалко. Но для Фу Байлуна одиночество было привычным состоянием.

Однако череда последних неудач на любовном фронте, видимо, подточила его выдержку. Ему, всегда сильному и самостоятельному, до смерти захотелось найти безопасное место. Укрытие, где можно было бы просто передохнуть. Поэтому, несмотря на поздний час и тот факт, что он едва знал этого «врага на узкой тропе», Фу Байлун поддался импульсу и приехал.

По дороге он отослал Рэйчел и водителя. Более того, он сделал то, чего не совершал никогда в жизни: сознательно оторвался от слежки и сам зашел в крошечный супермаркет за пивом.

С пакетом в руках он поднялся по темной лестнице знакомого обшарпанного подъезда. Но когда он занес руку, чтобы постучать, его охватила неловкость. Обычно он просто выписывал чек и отдавал приказы, не заботясь о чувствах других. Но жизнь в последнее время раз за разом доказывала ему: в этом мире полно вещей, которые не купишь. Деньги лишь делали его в глазах окружающих самовлюбленным мерзавцем.

«О, директор Фу? Какими судьбами? Мы же вроде договорились, что между нами всё кончено?» — представил он голос Ли Се.

«Мне нужна твоя помощь».

«Помощь? Неужели? Сам великий Фу Байлун просит о чем-то таких ничтожествах, как мы? Что ж, завтра же запущу фейерверки в честь предков Ли, которые даровали мне такую удачу...»

Байлун почти физически ощущал, как этот наглый бродяга будет издеваться над ним. И что было ещё несноснее — когда он всё-таки решился и вежливо постучал в дверь, этого нищего мерзавца, который вечно болтался без дела, снова не оказалось дома.

На него словно вылили ушат ледяной воды. Фу Байлун в ярости уставился на закрытую дверь, не понимая, зачем он вообще сюда приперся.

Он резко развернулся, намереваясь уйти. Но, дойдя до лестничного пролёта и заглянув в темный зев подъезда, он замер. В руке по-прежнему был зажат пакет с пивом.

Он вдруг осознал, что ему просто некуда идти. Вернуться в пустой дом или поехать куда-то ещё казалось невозможным. Огромный мир вокруг внезапно сузился до этого грязного коридора. Байлуну, чья душа была переполнена горечью, не нашлось места нигде, кроме этого пятка перед чужой дверью.

Он не знал, вернётся ли сегодня Ли Се. Но, не желая, чтобы кто-то видел его в таком состоянии, Фу Байлун просто отошел в тёмный угол коридора и прислонился плечом к стене. Поставив пакет с пивом на пол, он медленно опустился на корточки, а затем сел прямо на бетон.

Скудный лунный свет падал на его лицо. Фу Байлун устало зажмурился и закрыл глаза ладонью.

Всё, что случилось за последнюю неделю, на миг отступило. Осталась только бесконечная темнота и холод, окутавший его плечи.

Давила ответственность за чужие жизни, не давали покоя секреты Лунцзяна, оставленные родителями... Но сейчас он просто хотел тишины.

Время шло. Секунды складывались в минуты, минуты — в долгие часы ожидания. Фу Байлун сидел неподвижно, пока сон не сморил его окончательно. Он уснул прямо там, у чужого порога, уронив голову на грудь.

Это была вопиющая потеря контроля. Позже Фу Байлун будет сгорать от стыда, вспоминая ту ночь, и мечтать лишь об одном — стереть память каждому, кто мог это видеть.

Но именно в эту ночь, когда он, не зная, куда деться, решил остаться и подождать, Ли Се, как обычно, вернулся поздно.

И, разумеется, он своими глазами увидел эту картину: всемогущий директор Фу, свернувшийся калачиком у его двери.

***

—...

Ли Се замер перед собственной квартирой. Это был уже второй раз за последнее время, когда он сомневался, туда ли он пришел.

В этот раз он не забыл зайти за кипятком. И вот, стоя в коридоре с дымящимся чайником в руках, он созерцал немыслимое зрелище.

Ещё внизу, проходя мимо ночного магазинчика, он подумал: «Откуда в нашем районе столько богачеев на крутых тачках?» Сначала один залетный, теперь вот этот... Припарковался прямо под окнами, перегородив проезд, гад.

Но, поднявшись на этаж и выудив ключи, Ли Се понял — это всё тот же «гость».

Перед возвращением он успел встретиться с Фан Эром. В качестве его постоянного связного Фан Эр выбрал неприметное место для отчета по завершении их первой миссии.

Чтобы не светиться, Фан Эр в этот раз сменил имидж. Вместо нелепого вида студента-хикки, он выглядел иначе — работа в разведке обязывала постоянно менять маски. За столько лет они привыкли, что даже самые близкие люди не должны знать, на кого они работают. Это касалось и Фан Эра, и самого Ли Се.

— Я-то думал, тебе под сорок, а ты, оказывается, мой ровесник? — Ли Се с любопытством рассматривал новое удостоверение связного. — Редкая удача.

— Эй, полегче! У нас в роду у всех лица «кирпичом», вот и выглядим солидно. Потому меня и взяли в секретный отдел метеорологического бюро Циньлин. А вообще-то я в театральный

собирался...

— Понятно. А «Лю Тайшуай» — это твоё настоящее имя? — подмигнул Ли Се.

— Конечно, нет... Стоп! Неужели «Ли Се» — твоё настоящее?

«Лю Тайшуай» — он же Фан Эр — в изумлении вытаращился на него.

—...

— Извини, это государственная тайна. Не могу сказать, — Ли Се напустил на себя загадочный вид.

— Пфф, тоже мне, секретный агент. Не говоришь мне — бережешь тайну для будущей жены?

— Ну, в каком-то смысле да. Если кто-то и узнает моё настоящее имя, то только моя суженая.

Ли Се с его «бесстыдством» был неисправим, и Фан Эр лишь закатил глаза. После обмена шутками два старых лиса перешли к делу: поискам второго аномального подвида — «Виталы».

Ли Се доложил о состоянии Чэнь Чжэня, потерявшего память, и о проблемах внутри Научно-исследовательского института атомных биотехнологий. Ответ Фан Эра был краток:

— Насчёт второго подвида: я пробил твою зацепку. У матери Лю Цянь уже больше десяти лет проблемы с психикой, она не может сама о себе позаботиться. После исчезновения дочери соцслужбы перевели её в Санаторий Лунцзян. Я навещал её пару дней назад.

— И как она? — спросил Ли Се.

— Плохо. В таком состоянии она вряд ли понимает, где её дочь. Но кое-что мне всё же удалось узнать.

Ли Се нахмурился. Если бы он сам пару дней назад не съездил в этот Санаторий Лунцзян на окраине и не увидел эту несчастную женщину, безучастно лежащую в палате, он бы не поверил, что это единственная ниточка к «Витале».

«... Edelweiss, Edelweiss, every morning you greet me...»

Одетая в больничную пижаму, женщина с тяжелой стадией деменции раз за разом напевала детскую песенку про эдельвейс. У неё не было связной речи, не было рассудка. Когда Ли Се под видом волонтера расспросил медперсонал, сотрудница лишь вздохнула:

— Это любимая песня мамы Цянь-цянь.

— «Эдельвейс»?

— Да. Обычно она молчит и смотрит в стену. Но стоит во дворе появиться детям, она начинает петь. Поет очень красиво. Мы не знаем, что это для неё значит, но, видимо, что-то важное.

Ли Се понял, почему те, кто следил за ней из тени, оставили женщину в покое. Они решили, что безумная мать — не угроза, она не выдаст никаких секретов.

В последующие дни Ли Се навещал её несколько раз. Чаще всего он просто сидел рядом, слушая её пение, вытирал ей руки и поправлял спутавшиеся волосы. Женщина привыкла к его присутствию. Она не знала, кто он, но даже поврежденный разум чувствовал: этот человек не желает зла.

И вот однажды, когда Ли Се принес ей фрукты и начал чистить апельсин, мать Лю Цянь внезапно остановила его руку. Впервые за всё время она заговорила. Она выхватила из пакета банан и, глядя на него затуманенными глазами, вдруг крепко схватила Ли Се за запястье.

— Цянь-цянь... любила... фрукты... — её голос дрожал. — Раньше в доме... денег не было, надо было на учёбу... Не покупали... Раз в неделю только баловали... Она и сейчас хочет...

—...

— Всё они... «монстры» с неба... Забрали её...

Она говорила очень тихо, почти шёпотом. Словно боялась, что её услышат те, кто прячется в тени. В пустой палате её слышал только Ли Се. Сказав это, женщина разрыдалась, а через секунду снова «счастливо» запела свою песенку.

Ли Се молча убрал руку, которую она сжимала с невероятной силой, и вышел.

— И что она хотела сказать? — Фан Эр напрягся, понимая важность момента.

— Она написала у меня на ладони один иероглиф, — ответил Ли Се.

— Какой?

— «Фу».

—... Семья Фу? — ахнул Фан Эр.

— Похоже на то.

Ли Се и сам не ожидал, что след приведет к Компании Фу. Он привык работать в одиночку, но фамилия «Фу» в последнее время преследовала его. Фу Байлун то и дело возникал на горизонте, а теперь выясняется, что крупнейшая власть города может быть замешана в этом дерьме.

— Старый председатель Фу Кунь был одним из основателей Фармацевтической компании «Тяньшэнь». Нынешний владелец компании — его бывший соратник, Чжан Шичао, но изначально всё строилось на деньги Фу. И хотя старые супруги Фу давно погибли, влияние их фамилии никуда не делось.

—...

— Пока нельзя точно сказать, участвовали ли Фу в «Проекте Адам» на Базовой станции Циньцзян, но они всегда были близки с Чжанами. Через неделю «Тяньшэнь» проводит в здании «Ютянь» закрытую презентацию нового препарата. Нужны специальные приглашения. Я попробую туда пробраться.

—...

— Что до Чэнь Чжэня... Пусть он ничего не помнит, но те, кто в теме, будут нервничать. Побоятся, что он заговорит. Так что я присмотрю за ним, раз уж он живет с Лу Имингом.

Ли Се был уверен в своих силах, и Фан Эр кивнул, не задавая лишних вопросов. Ли Се передал ему фрагменты тканей «Ататалы», собранные на месте боя, и они мельком коснулись его нового напарника по последней миссии.

Информацию о «Лун» — пилоте серебряного меха — штаб держал в строжайшем секрете. Фан Эр, связующее звено, и сам мало что знал о человеке за броней.

Ли Се, который за всё время видел лишь металл и мощь, прищурился.

— Слушай, что с этим парнем не так? Я же его найти хочу, а не на свидание пригласить. Чего он так шифруется? Боится, что я его сглажу, что ли?

Фан Эр лишь одарил его взглядом, полным глубочайшего презрения, явно сомневаясь в «чистоте» намерений Ли Се. Впрочем, Ли Се лишь ухмыльнулся и, засунув руки в карманы, ленивой походкой отправился домой.

И вот теперь, стоя у дверей своей квартиры, он обнаружил одного из тех, о ком только что шла речь. Всемогущий, ледяной и неприступный директор Фу спал прямо на грязном полу, выглядя в этот момент до странности беззащитным.

<http://bllate.org/book/17425/1660018>